

Aleksander Szajkin
Uniwersytet w Orle

АВТОРСКИЕ ПОЗИЦИИ И ИХ ЛИТЕРАТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В ТЕКСТАХ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ: ЛЕТОПИСЬ И АНОНИМНОЕ СКАЗАНИЕ

Authors' Positions and Their Literary Specificity in Texts about Boris and Gleb: the Chronicle and Anonymous Tale

ABSTRACT: The article looks at the peculiarities of authors' positions in the chronicle version of the story of killing of Boris and Gleb and in the version of so called anonymous "Tale of Boris and Gleb". The chronicle versions of "The Tale of Bygone Years" ("Povest Vremennykh Let") and The Novgorod First Chronicle of the Junior Recension. are in fact the same text till a certain moment – the Cry of Gleb. The version of Nestor's "Reading of Boris and Gleb" is special and must be studied separately, but in some cases we resort to comparisons with this text too. The comparison of texts about Boris and Gleb shows that the narration about Gleb was formed later than the narration about Boris. The text of the "Povest Vremennykh Let" is closer to early forms of narration about the saint brothers. "The Tale of Boris and Gleb" relies on the chronicle's text but redraws its compositions substantially. In the part devoted to Boris the Novgorod First Chronicle of the Junior Recension contains the text identical to the text of the "Povest Vremennykh Let", and in the part devoted to Gleb it follows the "Tale of Boris and Gleb" but seriously reduces it, omitting the name of the Knyazh Yaroslav and the events after the battle of Liubech as well as the battle itself. As of poetics, the chronicle is a type of auctorial narration with the central position of the author – the chronicler, and the "Tale of Boris and Gleb" is more auctorial, setting out the author's point of view.

KEYWORDS: Boris, Gleb, Sviatopolk, author, composition, chronicle

В статье рассматриваются особенности авторских позиций в летописной версии рассказа об убийстве Бориса и Глеба и версии так называемого анонимного «Сказания о Борисе и Глебе». Версии Повести временных лет (ПВЛ) и Новгородской первой младшего извода (НПЛМ) до определенного момента

– Плача Глеба – являются, в сущности, одним текстом, поэтому до этого момента, в основном, будем опираться на текст ПВЛ. Версия Несторова «Чтения о Борисе и Глебе» – особая, она должна быть изучена отдельно, однако в некоторых случаях обращаемся к сопоставлениям и с ней.

Исходной точкой повествований об убиении Бориса и Глеба¹ является смерть князя Владимира. «Сказание» считает нужным дать экспозицию: называются отец и дед Владимира, перечисляются его сыновья, указываются места их княжений; представлена фигура будущего убийцы Святополка, его матери – монахини-расстриженки, говорится о двоюродстве Святополка. В летописи аналогичные сведения о Святополке даны в статье 980 года как элементы рассказа о Владимире², в «Сказании» же они сюжетно предваряют повествование об убиении Бориса и Глеба. Композиция «Сказания», таким образом, представляет убиение Бориса и Глеба в уплотненном массиве русской истории, тогда как летопись дает это событие более как факт 1015 года.

Узел событий 1015 года – появление печенегов, невозможность Владимиру самому возглавить отражение (из-за болезни), передача войска Борису и смерть Владимира – в летописи и в «Сказании» с фактической стороны переданы сходно, но композиционно – различно; отличны и авторские позиции.

Летописец в изображении кончины Владимира выступает *очевидцем*, сообщая технологические подробности «выноса» тела Владимира. Подробности эти, между прочим, мало соответствовали христианскому обряду: тело выносили ночью, выносили не через двери, а разобрав «помост», т. е. какое-то возвышение между «двема клѣтми»³, тело завернули в ковер и на веревках («ужиках») спустили на землю. Хотя дело происходило в середине июля (умер 15 числа), тело погрузили на сани, и на санях перевезли в храм святой Богородицы – Десятинную церковь, возведенную по инициативе Владимира (ПВЛ, с. 90). Языческие элементы, таким образом, завершаются христианскими, как это было и в жизни Владимира.

Те же подробности сохраняет и «Сказание» (Сказ., с. 330), однако интерпретации «идеологии» события в летописи и в «Сказании» оказываются про-

¹ Тексты цитируем по изданиям: «Сказание» – *Сказание о Борисе и Глебе*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века*, СПб.: «Наука». 1997, с. 328–351; ПВЛ – *Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод*. Подготовка текста Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц, Москва – Ленинград 1950, с. 90–94; НПЛМ – *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова, Москва – Ленинград 1950, с. 169–175. Страницы этих изданий указываем в тексте статьи в скобках.

² Можно предположить, что в статье 980 г. летописец уже учитывал то, о чем будет идти речь в статье 1015 года, хотя в реальной истории текста, скорее, могло иметь место обратное влияние: статья 1015 г. влияла на статью 980 г.

³ О проломах помещения в погребальном обряде см.: О.А. Седакова, *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян*, Москва 2004, с. 74–75.

тивоположными: в ПВЛ (и в НПЛМ) смерть Владимира *скрывают от Святополка*, в «Сказании» *Святополк скрывает* смерть Владимира. Логика есть и в той, и в другой версии: от Святополка скрывают, чтобы он не захватил киевский стол; Святополк скрывает, чтобы успешнее обосноваться на киевском столе. Идеология текстов может меняться, но подробность с веревками, на которых спускали тело, неизменна в обоих случаях: «ужи съвѣсиша на землю» (ПВЛ), «съвѣсивъше ужи на землю» (Сказ.).

В летописи «владимиروцентристская позиция» автора, т. е. автор вблизи тела Владимира; в «Сказании» же у автора позиция «борисоцентристская»: о смерти Владимира Борис (а вместе с ним и читатель) узнает от «вестника». Поэтому в «Сказании» смерть Владимира становится поводом для изображения реакции Бориса на это известие: «яко услыша святыи Борисъ, начать тѣльмь утѣрпывати...» (Сказ., с. 330). Важнейшие смыслы текста «Сказания» приходятся на монологи героя, при этом монологи могут содержать не только рефлексии героя на те или иные события, но и передавать фабульные элементы. Так, Святополк еще ничего не успел предпринять, но Борис уже предчувствует, что брат «о биении моемъ помышляеть». Внутренне Борис готовится к предстоящему: «Да аще кровь мою пролѣтъ и на убийство мое потыщиться, мученикъ буду Господу моему» (Сказ., с. 330).

В летописи после сообщения о смерти Владимира внимание автора тотчас переключается на Святополка, ставшего киевским князем: «Святополкъ же сѣде Кыевъ по отци своемъ, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье». Автор (имеем в виду авторскую позицию) находится в Киеве, знает о действиях Святополка, о двойственной позиции киевлян, принимающих «подарки» Святополка, но не расположенных к нему: «Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ» (ПВЛ, с. 90). «Сказание» тоже об этом упомянет, но значительно ниже, после обширных монологов Бориса, оплакивающего смерть отца и предчувствующего свою гибель, размышляющего о сомнительной ценности мирского и даже высказывающего упреки отцу и его сподвижникам, не сумевшим отрешиться от этих ценностей. Событийное в «Сказании» значимо не только само по себе, оно – повод для рефлектирующей мысли: «Къде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашна чѣстная, и быстрыи кони, и домове краснии и велиции, и имѣния многа, и дани, и чѣсти бещисльны, и гърдѣния, яже о боярѣхъ своихъ?» (Сказ., с. 332). Борису уже открыто, что всё перечисленное – «мимоходить и хуже паучины»⁴ (Сказ., с. 330). Отца,

⁴ Сознание ничтожности и временности «сего мира» становится в это время доступно даже мирским людям, таким, как матушка Феодосия Печерского, которая, правда, с помощью сына «разумѣхъ, яко ничтоже есть свѣтъ сий маловременный» – *Житие Феодосия Печерского*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI–XII века*, Санкт-Петербург 1997, с. 368.

убившего брата, «славы ради и княжения мира сего», оправдывает лишь то, что было это «преже святого крещения» (Сказ., с. 330).

Летописец, рассказав о Святополке, перемещается из Киева в движущееся войско Бориса; он знает, что известие о смерти отца застало Бориса вблизи Альты, где войско и остановилось. Автор «слышит», причем в форме прямой речи, предложение «отней дружины» Борису: «Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отни», и его ответ: «Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго: аще и отец ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто». Автору доступны пространственно удаленные точки, Альта и Киев; происходящее в них, в силу их нарративного сопряжения, приобретает причинно-следственные связи: «Борисъ же стояше съ отрокуы своими. Святополкъ же, исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ...». В летописи у Бориса на этот момент еще нет предчувствий своей гибели, но автору-летописцу это уже открыто: Святополк посылает к Борису посла с обещаниями уделов, но «льстя под нимъ, како бы и погубити» (ПВЛ, с. 90). Таким образом, в летописи «знание» о тайном замысле Святополка принадлежит автору, в «Сказании» же оно открыто (хотя бы как предчувствие) персонажу-жертве.

Знание тайного, впрочем, доступно не только летописцу, но и автору «Сказания»: оба изображают тайную встречу Святополка с вышегородскими боярами. Но то, как Святополк отдает распоряжение боярам об убийстве Бориса, в памятниках выражено различно. Когда одно и то же содержание может быть передано хотя бы двумя разными средствами, вступает в права стилистика⁵. В летописи, получив согласие бояр, Святополк кратко инструктирует их: «Не повѣдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса» (ПВЛ, с. 90). В «Сказании» же персонажи изображаются и высказываются в духе будущего классицизма. К Святополку приходят не просто бояре, но «съвѣтъники всему злу и начальники всей неправдѣ», Святополк, обращаясь к ним, «отъвързъ прескъврънная уста» и не просто «рече», как в летописи, но «испусти злый гласъ». Сама речь Святополка также риторически обустроена: «Аще убо главы своя обѣщастея положити за мя, шедъше убо, братия моя, отай, кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрыше время убиите ѥ» (Сказ., с. 334). Денотат в обоих случаях один: убийство Бориса, но стилистика «Сказания» обнажает причастность персонажей к богопротивной инстанции.

Только теперь, сообщая о предложении дружины Борису идти на Киев и занять киевский стол и об отказе Бориса и уходе дружины, «Сказание» фактически «догоняет» летописный сюжет. В летописи Борис принимает решение

⁵ См., например: Б.В. Томашевский, *Стилистика*. Учебное пособие. 2-е изд., Ленинград 1983, с. 17; Ю.М. Лотман, *Избранные статьи: В трех томах. Том I: Статьи по семиотике и топологии культуры*, Таллин 1992, с. 180–181.

остановиться на Альте сразу же, как только узнает о смерти отца; в «Сказании» об этом говорится уже после того, как читателю сообщено о злодейских намерениях Святополка и предчувствиях Бориса. Такая сюжетная перестройка фабулы объясняется необходимостью для автора «Сказания» не просто информировать читателя о факте остановки Бориса на Альте, ему надо мотивировать внутреннее состояние Бориса.

По летописи, убийцы «придоша на Лыто ночью, и подыступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню» (ПВЛ, с. 90). Для «Сказания» – это слишком стремительный рассказ, его автор хочет следить за каждым шагом Бориса: вот он «въ тузѣ и печали, удручьнѣмь сьрдцьемь и вълѣзъ въ шатъръ свой», в шатре поначалу Борис «плакашеша съкрушенѣмь сьрдцьемь, а душею радостною, жалостно гласъ испущаша» (Сказ., с. 334). Для христианского автора XI в. сопряжение *сокрушенного сердца и радостной души*, видимо, вовсе не антиномично, одно как бы предполагает другое⁶. Борис попробовал уснуть, но это был тревожный сон: «мънозѣ мысли и въ печали крѣпцѣ и тяжцѣ и страшнѣ». Поэтому Борис поднялся рано и попросил священника начать «заутрѣню». И только после всех этих сцен «Сказание» опять опирается на летописную информацию: убийцы, подошедшие к шатру, «слышаша гласъ блаженаго страстотърпыца поюща Псалтырь заутрѣню» (Сказ., с. 334; ПВЛ, с. 90).

Может показаться, что автор и в летописи, и в «Сказании», передавая то, что слышат посланцы Святополка, становится актором, т. е. сам размещается вблизи убийц, но все же общая картина здесь, скорее, имперсональна: читатель видит и слышит Бориса, поющего псалмы, и одновременно следит за подошедшими к шатру. Автор «Сказания» в этой сцене, пожалуй, точнее летописца: в летописи сказано, что Борис *видит* подошедших к шатру, в «Сказании» же сказано, что Борис их *слышит*: «яко услыша шпѣть зълъ окръсть шатѣра» (Сказ., с. 336).

Подыскивая должный прототип тому, что вскоре произойдет, автор «Сказания» заставляет Бориса вспомнить имена тех святых, которые, сохраняя веру Христу, погибли от рук своих родственников⁷. Поведение убийц, нахо-

⁶ Впрочем, обычной формулой было бы «сокрушенное сердце и смиренный дух» (Пс 33, 19; Пс 50, 19; Ис 57, 15; Дан 3, 39 и др.), так что автор «Сказания», возможно, вносит творческий элемент в каноническую формулу.

⁷ Вот что любопытно: «Сказание» перечисляет имена святых Никиты, Вячеслава, Варвары, жития которых, стало быть, читал Борис, но «Сказание» не содержит эксплицированного мотива пристрастия Бориса к чтению; о таком пристрастии Бориса говорит в своем «Чтении» Нестор (*Святые князя-мученики Борис и Глеб*. Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко, Санкт-Петербург 2006, с. 362), но у Нестора Борис не упоминает имен святых. О европейских связях борисоглебских текстов см.: А.М. Ранчин, *Князь – страстотерпец – святой: семантический*

дящихся у шатра Бориса, и в том, и в другом тексте сходно и «этикетно»: они как бы застывают на месте, дожидаясь окончания пения псалмов. При этом летописец указывает, что именно пел Борис: «И кончавъ експсалма, увидѣвъ, яко послани суть губить его, нача пѣти псалтырю». Приводится текст псалма, пропетого Борисом, после чего сообщается: «Посемь же нача канунъ пѣти; таче, кончавъ заутреню, помолися» (ПВЛ, с. 91).

Но вот чем «Сказание» отличается от летописи: его автор не удовлетворяется имперсональной передачей происходящего, он вводит в свое повествование взгляд персонажей, которым открывается то, что трудно разглядеть как-то иначе. Борис в эти часы духовно возвышен, преодолевает страх: «Боязни въ любви нѣсть – съвършенная бо любви вѣнь отъмещеть боязнь», но священнику и отроку, находящимся в шатре, видно иное: «видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суца зѣло» (Сказ., с. 336). Внутреннее и внешнее могут не совпадать – новаторство раннесредневекового автора.

В сцене убийства летописец позволил себе лишь одну художественную деталь: люди Святополка ворвались, «акы звѣрье дивии» и пронзили копьями Бориса и отрока, пытавшегося прикрыть собой князя. В «Сказании» же в аналогичной сцене автор видит «блистание оружия и мечное оцѣщение», отрок перед тем, как броситься закрывать князя, произносит монолог (опять же в духе будущего классицизма): «Да не остану тебе, господине мой драгый, да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду с тобою съкотьчати животь свой!» (Сказ., с. 336).

Между текстами есть и небольшое фактическое отличие в сцене убийства: по летописи, Борис в момент вторжения убийц *возлежит* на одре своем; в «Сказании» он уже *умылся* и *молится* перед иконой. Летописная ситуация, видимо, соответствует мотиву отрока, бросающегося закрыть собой тело князя. Кстати, ПВЛ тотчас дает подробности об этом отроке, Георгии Угрине; «Сказание» дважды обращается к нему: о его жертвенном подвиге и его личности сообщает тут же, а рассказ об отсеченной голове помещает значительно ниже; имена убийц, пронзивших Бориса и его отрока, «Сказание» дает сразу, а в ПВЛ их имена приводятся по завершении сюжета убиения. Каких-то заметных смысловых отличий указанные перестановки, кажется, не содержат, но летописная композиция этих фрагментов представляется более стройной.

Существенно отличие текстов в завершении рассказа об убиении Бориса. По версии «Сказания» (и Нестора), пронзенный копьями Борис оставался жив (может быть, благодаря защите отрока Георгия?) и, по замечательному выражению

архетип житий князей Вячеслава и Бориса и Глеба и некоторые славянские и западноевропейские параллели, [в:] А.М. Ранчин, *Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях*, Москва 2007, с. 98–111.

«Сказания» (удержанному и у Нестора), «въ оторопѣ» выскочил из шатра. Не вовсе чуждый реалистичности, автор «Сказания» показывает, что изумленные убийцы на какое-то время оцепенели, так что старшему из их команды пришлось подбодрить соучастников: «Чѣто стоите зряще! Приступивъше сконьчаимъ повелѣное намъ!». Но Борис умел остановить их. «Братия моя милая и любимая!», – так обратился он к своим убийцам и попросил у них немного времени на молитву Богу. И они остановились. Это дало возможность автору «Сказания» вложить еще одну молитву в уста Бориса. Борис славит Всевышнего за кончину, приближающую его к святым мученикам, но одновременно не скрывает и «болѣзни сѣрдца», ибо смерть «прияхъ от сѣродника моего». Это противоречие Борису нелегко преодолеть: «Да „аще бы ми врагъ поносилъ, протѣрпѣлъ убо быхъ, аще бы ненавидя мене вельречеваль, укрылъ быхъ ся” (Пс 54, 13). Нѣ ты, Господи, вижь и суди *межю мною и межю братѣмъ моимъ*» (курсив наш. – А.Ш.). И все же, обращенный к Господу, Борис поднимается до прощения убийц: «не постави имъ, Господи, грѣха сего, нѣ приими въ миръ душу мою Аминь» (Сказ., с. 336). Возводя поведение святого к Христу, обычно и здесь видят следование евангельскому образцу. Действительно, сходные слова Христа имеются в одном из Евангелий: «Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23: 34). Но в трех других Евангелиях таких слов нет. Важнее, однако, то, что перед Борисом иная ситуация: Иисус Христос говорит о *неведении* своих палачей, Борис такого о своих сказать не может: они *ведуют*, что творят, и он требует суда Божьего между собою и братом. В другом Евангелии и при других обстоятельствах Христос учит: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5: 44). Но и эта ситуация не покрывает Борисовой: против него не враг выступает – от врага «укрылъ быхъ ся», – но как быть, если смерть идет от «сродника»? На русской почве, как видим, евангельский топос⁸ приобретает местные и новые смыслы.

Предлагая посланцам Святополка завершить начатое, Борис опять называет их братьями: «Братие, приступивъше, съконьчайте службу вашу». Последние его слова – слова прощения: «И буди миръ брату моему и вамъ, братие» (Сказ., с. 338). Автор «Сказания» прибегает к образу «резонирующей среды» – неких людей, скорбящих о кончине человека, сумевшего отказаться от славы мира сего и выбравшего смерть: «къждо въ души своей стонааше»⁹.

⁸ Примеры использования этого топоса в древнерусской агиографической традиции см.: Т.Р. Руди, *Топика русских житий (вопросы типологии)*, [в:] *Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика*, Санкт-Петербург 2005, с. 66, прим. 26.

⁹ Выше в тексте некие люди скорбели, глядя на Бориса, шагающего вдоль берега Альты в предчувствии своей гибели: «И вси зряще его тако, плакашеса о добродѣнѣмъ тѣлѣ и чьстѣнѣмъ разумѣ въздраста его» (Сказ., с. 332).

В изображении последних моментов жизни Бориса в «Сказании» видна не очень удачная редактура. Видимо, опираясь на источник, использованный и Нестором в «Чтении», «Сказание» вслед за мотивом скорби неких людей торжественно сообщает о кончине Бориса: «И абие усьпе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива, мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландъ агуста» (Сказ., с. 338). То есть убийцы последовали призыву Бориса «съконъчайте службу вашу», и он был убит¹⁰. Тело Бориса завернули в шатер и повезли в Вышгород. Но по дороге так же, как и в летописи, вдруг обнаруживается, что князь еще жив¹¹. Об этом немедленно узнает Святополк, он присылает двух варягов, которые и завершают дело. Никто из авторов не объясняет, каким образом Святополк, находящийся в Киеве, тотчас узнал, что Борис еще жив.

Тело Бориса, по летописи «отай», привозят в Вышгород и хоронят у церкви святого Василия (Василий – крестное имя отца Бориса). Убийцы, по летописи, являются к Святополку и только теперь звучат их имена (в «Сказании» они названы тотчас, как пронзили копьями тело Бориса): «Суть же имена симь законопреступником: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшко, отецъ же ихъ со-тона» (ПВЛ, с. 92).

Начиная рассказ о втором убийстве, и летописец, и автор «Сказания» оказываются вблизи Святополка. Летописцу известны его помыслы: «Се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба? И примѣ помысль Каиновъ...» (ПВЛ, с. 92). Автору «Сказания» недостаточно только такой архетипической мотивировки, у него Святополк пространно рефлектирует, выстраивая цепь логических заключений.

На внутреннем монологе Святополка стоит остановиться подробнее. Автор «Сказания» вкладывает в уста Святополка цитаты из 68 псалма¹². После убийства Бориса Святополк, трезво оценивая ситуацию, понимает, что «братья» теперь будут преследовать его, ибо стал он «чюжь» им. Уже здесь ощущается ориентация на текст псалма: «Чужим стал я для братьев моих и посторонним для сынов матери моей» (9)¹³. Если он остановится на содеянном, – размышляет Святополк, – то возможны два варианта дальнейшего: братья либо, под-

¹⁰ У Нестора в «Чтении» это яснее: «единъ от губитель, притекъ, удари въ сердце его» – *Святые князья-мученики Борис и Глеб*, с. 372.

¹¹ В летописи тоже говорится о смерти на Альте: «Бориса же убивше» (ПВЛ, с. 91), но нет стилистически оформленного извещения о кончине, поэтому его последующее «оживление» не так неожиданно.

¹² Указание Л. Мюллера: Л. Мюллер, *Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 года)*, [в:] Л. Мюллер, *Понять Россию: историко-культурные исследования*. Пер. с нем., Москва 2000, с. 219.

¹³ В скобках указываю номер стиха из 68 псалма.

стерегши, убьют его, либо изгонят, и тогда «княжение мое приметь инъ» и «въ дворѣхъ моихъ не будетъ живушааго» – в псалме: «и в шатрах их да не будет живущих» (26). Герой псалма страдает из-за угрозы отторжения его от «дома» Господа: «ревность по доме Твоем снедает меня» (10) – страдания Святополка приземлены, ему жаль «престола отьца моего» (земной аналог «дома» Господа), но престол для Святополка – символ владения «землей»: «жалость землѣ моя снѣсть мя». Хуления Господа герой псалма принимает на себя: «злословия злословящих Тебя падают на меня» (10) – Святополка беспокоят хуления в свой адрес: «поношения поносящихъ нападутъ на мя». А посему, заключает Святополк, «приложю къ безаконию убо безаконие» – в псалме герой просит Господа об этом для нечестивых: «Приложи безаконие к безаконию их, и да не войдут они в правду Твою» (28). Наконец, хулящие Господа, по просьбе героя псалма, «да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся» (29) – Святополк сам записывает себя в неправедные: «съ правдѣными не напишюся, нѣ да потреблюся отъ книгъ живущихъ», да еще и грех матери присовокупляет к своим грехам: «и матери моя грѣхъ да не оцѣстится» (Сказ., с. 338).

Самая возможность обращения к псалму сопряжена, видимо, с тем, что, совершив убийство брата, Святополк, по мысли автора, вверг себя в такое же турбулентное состояние, в каком совсем по иной причине оказался герой псалма. Последний скорбит потому, что должен отдать то, чего не отнимал, тогда как Святополк, как раз наоборот, стремится отнять то, что, по интенции «Сказания», должно принадлежать другому. Автор «Сказания» приспособляет текст иной идеологической направленности к своей теме, цитаты из Псалтыри играют у него роль красок, которые, оказывается, можно использовать для изображения идеологически противоположного¹⁴.

На фоне монолога Святополка высветляется глубокая правота Бориса: мирское, осознанное святым как нечто «хуже паучины» (см. выше), толкает Святополка к новым преступлениям. Он уже сам «злый свѣтъникъ дьяволь»¹⁵ посылает «по блаженааго Гльба рекъ: «Приди въбързѣ. Отць зоветь ты и несъдравить ти вельми»¹⁶. (Сказ., с. 338). Злые сердца имеют и соответствующие души: «сверѣпа звѣри душу имущю», – говорится ниже об убийцах Глеба (Сказ., с. 340).

¹⁴ Здесь уже различимы приемы будущего «Моления Даниила Заточника».

¹⁵ У Нестора мотив дьявола появляется перед убийством Бориса: «вложи зло си врагъ въ сердце его» (*Святые князья-мученики Борис и Глеб*, с. 368).

¹⁶ Формула приглашения Глеба в «Сказании» мало отличается от летописной; в ПВЛ на месте местоимения «ти» стоит более уместное здесь «бо».

Вместе с послем Святополка автор (и летописи, и «Сказания») «перемещаются» к Глебу. Глеб, откликаясь на известие о болезни отца, «вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю». Летописцу известны происшествия с Глебом на пути: «И пришедшо ему на Волгу, на поли потчеса конь в рвѣ, и наломи ему ногу мало»¹⁷; он знает подробности маршрута: «приде Смоленську», «ста на Смядинѣ в насадѣ», даже детали перемещения доступны ему: лодки Глеба расположились в пределах видимости Смоленска – «яко зрѣемо» (ПВЛ, с. 92)¹⁸.

В действие вовлекаются новые персонажи, сестра и брат Глеба: «В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передѣславы о отни смерти»; Ярослав предупреждает Глеба об опасности ПВЛ, с. 92). Узнав о смерти отца и гибели брата, Глеб предается плачу, причем скорбь по брату выходит на первый план. Текст «Сказания» по сравнению с летописным усложнен: Глеб не только говорит, что лучше бы ему умереть с братом, но и характеризует своё состояние после кончины брата: «уединену и усирену отъ тебе»; он не просто не хочет жить «на свѣтѣ семь», но отказывается в «въ семь житии пожити» – частичная омофония здесь эстетически и семантически значима. Автор «Сказания» всюду стремится распространить летописный лаконизм, наполнить его осязательной конкретикой (конкретика, разумеется, насквозь риторична, этикетна): так, летописное одиночество Глеба – «остахъ азъ единъ» – в «Сказании» предстает в обозначенных проявлениях: «Нынѣ же что сътворю азъ, умиленьй, очюженный отъ твоея доброты и отъ отьца моего многааго разума?»; в ПВЛ Глеб просит Бориса молиться «о мнѣ», в «Сказании» (и НПЛМ) – «о моемъ унынии»; вместо простого выражения ПВЛ «да и азъ быхъ ту же страсть прияль» утяжеленная конструкция: «да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть въсприяти» (Сказ., с. 340).

В «Плаче Глеба» появляются фрагменты, общие между НПЛМ и «Сказанием», но отсутствующие в ПВЛ, при этом приходится предполагать, что Новгородская летопись в этом случае следует за «Сказанием»¹⁹.

¹⁷ Другое дело, что это происшествие имело, скорее всего, символический смысл: предупреждения об опасности, которым «герой» никогда не внимает.

¹⁸ В НПЛМ иначе: «яко близъ бѣ мѣсто строино» (С. 172). «Строино» – надлежащее, походящее, благоприятное и др. См.: *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва 1999, с. 630; И.И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание. Т III, Ч. 1, Москва 1989, с. 551–552; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 28, Москва 2008, с. 175.

¹⁹ В частности, во фразе «ти се селика туга състиже мя», общей для «Сказания» и НПЛМ, в последней выпало слово «туга», и фраза стала невразумительной: до того речь шла об ангельском лице Бориса, а затем читается «то и селика постиже мя», т. е. и *меня такое же постигло*. Такая порча текста в НПЛМ свидетельствует в пользу первичности текста «Сказания».

Плач Глеба представляет собой *монолог героя*, но в сцене убийства *план персонажа* сменяется *авторским*, хотя вкраплений прямой речи и здесь немало; смена планов осуществляется мягко.

Сравнение фрагментов «Сказания» с летописными и на этом участке обнаруживает ту же тенденцию распространения текста, читающегося в ПВЛ. Так, сообщение ПВЛ «И сице ему молящюся съ слезами» в «Сказании» принимает форму: «И сице ему стенощю и плачущюся и слъзами землю омачающю съ въздыхании частыми Бога призывающю». Указание летописи, что прибыли посланные Святополком на «погубленье» Глебу, распространяется в «Сказании» характеристикой этих посланцев: «зълъя его слугы, немилостивии крѣвопийцѣ, братоненавидьници люти зѣло, сверѣпа звѣри душно имущю» (Сказ., с. 340). Однако, справедливости ради, надо отметить, что иногда «Сказание» и ПВЛ как бы меняются функциями: «Сказание», например, дает деловую подробность, локализуя место встречи «кораблеца» Глеба с лодкой посланцев Святополка: «сърѣтоша и́ устие Смядины» (Сказ. с. 340), а ПВЛ опускает место встречи, но обращает внимание на психологическое состояние персонажей: «Отроци Глѣбови уньша» (ПВЛ, с. 93).

В обоих текстах действие развивается стремительно: Глеб еще не окончил скорбной молитвы по отцу и брату, как «внезапу придоша послании от Святополка на погубленье Глѣбу» (ПВЛ, с. 93; ср. Сказ., с. 340). Но автор «Сказания», в отличие от летописи, не мог отправить Глеба на небеса, не дав ему высказаться перед гибелью. В монологе перед посланцами Святополка Глеб пытается разъяснить, что его не за что убивать, ибо ни брату Святополку, ни им самим он никакой обиды не причинял; Глеб стремится разжалобить убийц, изошренно указывая на свою юность: «Не пожьнете мене от жития не съзрѣла, не пожьнѣте класа, не уже съзрѣвъша, нѣ млеко безълюбия носяща! Не порѣжете лозы не до коньца въздрастьша, а плодъ имуща!»²⁰ (Сказ., с. 340). Аргумент юности особенно значим в самосознании Глеба: «възрастьмь еще младеньствую. Се нѣсть убийство, нѣ сырорѣзание!». Глеб взирает на убийц «умиленама очима», автор заставляет его проливать потоки слез: он умывает лицо слезами, слезами разливается. Видя, что разжалобить убийц ему не удастся, он обращается к умершим заступникам, отцу и брату, и даже упрекает их: «Отъца моего Василия призвахъ и не послуша мене, то ни ты (Борис. – А.Ш.) не хочеши мене послушати?». И лишь в собственной прямой молитве к Господу Глеб укрепляется духом и как бы выпрямляется:

²⁰ Исследователь увидел здесь аллюзию на слова Христа, назвавшего себя лозой виноградной. – См.: А.М. Ранчин, *О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топов и цитат*, „Древняя Русь” 2012, № 3 (49), с. 25. Действительно, Глеб, как и Христос, говорит о себе как о лозе, несущей плоды (Ср.: Ин 15, 1,5).

«Вижь, Господи, и суди: се бо готова есть душа моя предъ тобою, Господи! И тебе славу въсылаемъ, Отьцю и Сыну и Святууму Духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь». Как и Борис, он сам призывает посланцев Святополка завершить начатое: «То уже сътворивъше приступльше сътворите, на не же посылане есте!» (Сказ., с. 342).

Характерно отличие в глаголах, передающих убийство: летописец (и в ПВЛ, и в НПЛМ) прибегает к глаголу мирской семантики – «зарѣза Глѣба», автору «Сказания» нужен глагол сакрального звучания – «закла и»; библейский сравнительный оборот «аки агня непорочно», оценивающий убийство в летописи, в «Сказании» распространяется: «яко агня непорочно и безлобиво». «Сказание» и НПЛМ дают дату события, отсутствующую в ПВЛ, причем «Сказание» дополнительно называет и день недели: «мѣсяца сентября въ 5 днь, въ понедельникъ» (Сказ., с. 342).

Но авторская рефлексия на убийство Глеба в ПВЛ пространней соответствующего текста «Сказания»: «Принесся на жертву Богу, в воню благоуханья, жертва словесная» (ПВЛ, с. 93); в «Сказании» «принесся жрѣтва чиста Господеви и благовонья» (Сказ., с. 342) (НПЛМ редуцирует «Сказание»: «принеся жрѣтва чиста»). Все тексты говорят о встрече братьев на небесах и о радости от этой встречи.

В сцене возвращения убийц к Святополку самый лаконичный текст в НПЛМ: «Оканнии же убища възратишася, и придоша къ пославшему я. Яко сказаша Святополку, яко «створихомъ повелѣная тобою»; си слышавъ, възвеселися душею и сердцемъ» (НПЛМ, с. 173). ПВЛ для осуждения и разоблачения Святополка привлекает Псалтырь с именем Давида, но цитата из 51 псалма как бы только обозначена, намечена отрывками (ПВЛ, с. 93), тогда как «Сказание», кроме указанного привлекает еще несколько псалмов, разворачивая пространное осуждение и исполнителей, и заказчика (Сказ., с. 342–344).

Посмертная судьба тела Глеба и обстоятельства его обретения излагаются в рассматриваемых нами источниках с существенными отличиями. Если до сих пор текст НПЛМ, близкий к ПВЛ, привлекался нами эпизодически, то в ситуациях обретения тела Глеба текст НПЛМ должен быть учтен в полной мере. Начинают, впрочем, все три текста сходно: упоминаются две колоды на берегу, между которыми было брошено («повержено») тело князя²¹. Далее предельно краткий текст ПВЛ сообщает только самую общую информацию: тело «взвемше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкви святого Василья». Но как нашли тело, кто «взвемше», когда и по чьему распоряжению – об этом

²¹ Подробный анализ ситуации захоронения меж двумя колодами см.: А. Ранчин, *К интерпретации одного известия в памятниках борисоглебского цикла*, [в:] *Реката на времето / Река времен*. Сб. ст. памяти проф. Людмилы Боевой, София 2007, с. 102–107.

в ПВЛ ничего не говорится. «Сказание» (и отчасти НПЛМ) такого рода сведения содержат. Во-первых, сообщается, что Господь сохранял тело святого, которое «лежащу дълго время» (Сказ., с. 344). «Мимоходящий» в тех местах видели «стълпъ огньнъ, овогда свѣщѣ горущѣ»²², а иногда и «пѣния ангельская слышааху» (в НПЛМ осталось только пение). Но, как утверждает НПЛМ, никто не позаботился о «възыскании телесе святого» (НПЛМ, с. 134). До этого места тексты «Сказания» и НПЛМ в изложении судьбы тела Глеба минимально отличаются один от другого, но далее в «Сказании» начинается читаться обширный текст о Ярославле – победителе в Альтской битве (Сказ., с. 344). В НПЛМ этого текста нет, как нет и вообще Альтской битвы²³. Концовки же повествования о теле Глеба «Сказания» и НПЛМ опять начинают совпадать. При этом в отдельных моментах в этих текстах могут быть противоположные оценочные знаки, что не отменяет связанности их. Так, например, «Сказание» говорит: «А о святѣмъ Глѣбѣ не вси свѣдѣаху, яко Смолинскѣ убиень есть» (Сказ., с. 346), НПЛМ вроде бы противоречит: «ясно бо вси вѣдаху, яко въ Смоленскѣ убиень», но противоречие снимается разъяснением: «нѣ не вѣдаху, кде положень» (НПЛМ, с. 174). Однако есть одно значимое отличие:

СКАЗАНИЕ	НПЛМ
<p>И тѣгда съказаша ему, яже слышаша от приходящихъ отъуду, како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посла Смолинску на възискание презвутеры, рекый, яко: «То есть братъ мой». И обретоша ѿ идеже бѣша видѣли (Сказ., с. 346)</p>	<p>Тогда помянуша, яко видѣша и свѣтъ велии в пустѣ мѣстѣ, и свѣща горяща; и то слышавше, послаша искать телесе святого съ честными кресты, и налѣзоша его, идеже бяху видели (НПЛМ, с. 174)</p>

Из приведенных фрагментов видно, что редакторская работа в НПЛМ нацелена на обезличивание текста. В «Сказании» о свете в «пустѣ мѣстѣ» сообщают «ему», и из контекста совершенно определенно подставляется имя победителя в Альтской битве, о которой только что рассказывалось. В НПЛМ не ясно, кто и кому «помянуша», кто «послаша», тогда как в «Сказании» к Смоленску послал «презвутера» на поиски тела тот, кто сказал: «То есть братъ мой», а таковым в данной ситуации мог быть только Ярослав. Следовательно, НПЛМ почему-то старательно убирала присутствие Ярослава (речь идет о редакции,

²² О мотиве огня над телом святого см.: А.М. Ранчин, *Огненный столп в древнерусской агиографии: ветхо – и новозаветные истоки*, [в:] А.М. Ранчин, *Вертоград Златословный...*, с. 128–133.

²³ Святополк, по НПЛМ, после Любечского сражения 1016 года бежит «в Печенѣгы», и тотчас оказывается «межи Чахы и Ляхы», где и погибает (НПЛМ, с. 175).

ибо в «глебовой» части текст НПЛМ зависим от текста «Сказания»): в ней нет Альтской битвы и неизвестно кто распорядился о поисках тела Глеба. Это странное обстоятельство Н.И. Милютенко объяснила тем, что составитель новгородской летописи, ориентирующийся по преимуществу на «Сказание», в то же время обратил внимание на то, что в тексте ПВЛ не говорится о Ярославе как инициаторе поисков тела Глеба – поэтому он устранил Ярослава из своего текста²⁴. Объяснение, конечно, недостаточное. Тут возникают вопросы более общего порядка. Почему в повествовании об убиении Бориса и Глеба заметные расхождения трех текстов – ПВЛ, «Сказания» и НПЛМ – начинаются только с определенного момента, а именно плача Глеба? Почему текст ПВЛ в рассказе об обретении тела Глеба имеет предельно краткий вид, сообщая лишь о факте обретения? И, наконец, почему из новгородской летописи последовательно вымарывалось имя *самого* новгородского князя – Ярослава?

Н.И. Милютенко исходит из того, что Анонимному сказанию, дошедшему до нас, предшествовала «редакция памятника без вставок из летописи», которую исследователь условно называет «Сказанием страсти»²⁵. Рассказ об обретении мощей Глеба впервые, по мнению Н.И. Милютенко, был создан на уровне «Сказания и страсти»²⁶, т. е. тексте, независимом от летописи (в текстуальной *наличности* тут можно иметь в виду текст, читающийся в ПВЛ, ибо текст НПЛМ в этой части, как уже неоднократно указывалось, зависим от «Сказания»). В то же время сама Н.И. Милютенко показывает, что «...в сохранившийся текст Анонимного сказания рассказ из «Повести временных лет» внесен почти полностью»²⁷. При этом, если в «борисовой» части повествования изъятие летописных фрагментов все же позволяет читать остающееся как связный текст, то в «глебовой» части «Сказания» изъятие летописных фрагментов напрочь лишает текст связности и внятности²⁸. Тем самым в «глебовой» части предположения о тексте *до* Анонимного сказания – тексте «Сказания страсти» – переходят в область чистой гипотетичности: удовлетворительно текст может быть прочитан только вместе с летописными фрагментами.

Исходя из того, что сюжет об обретении тела Глеба в ПВЛ передается одной фразой, можно предположить, что ПВЛ сохранила исходный вид текста. «Сказание» распространило этот рассказ размышлениями о сохранности тела, о долгом его пребывании в неизвестности, о световых явлениях на месте тела, ангельском пении, неких «мимоходящих» охотниках, наблюдающих эти явления и, наконец,

²⁴ Святые князья-мученики Борис и Глеб, с. 150.

²⁵ Там же, с. 136.

²⁶ Там же, с. 152.

²⁷ Там же, с. 135.

²⁸ Н.И. Милютенко в своем издании «Сказания» заключила летописные фрагменты в квадратные скобки, чем облегчает проверку (Там же, с. 286–312).

процедурой поиска и доставления тела в Вышгород *по инициативе князя Ярослава*. На каком этапе в «Сказание» оказалось включенным близкое к ПВЛ описание Альтской битвы, ставшее частью рассказа об обретении тела, сказать трудно.

Соответствующий текст НПЛМ не отражает Начального свода, ибо, если предположить, что в Начальном своде был подробный рассказ об обретении мощей Глеба, тогда надо объяснять, почему этот рассказ редуцирован в ПВЛ. Н.И. Милютенко пришла к выводу, что «по всем спискам Н1 мл. рассказ о знаменьях над телом Глеба и о перенесении его мощей в Вышгород составлен на основе Анонимного сказания»²⁹.

Отсутствие имени Ярослава и Альтской битвы может быть объяснено либо тем, что НПЛМ в этой части зависело от редакции «Сказания», в которой еще не было Ярослава, либо тем, что редактор НПЛМ убрал имя князя и Альтскую битву. О первой возможности в связи с отсутствием источников можно строить только гипотетические предположения (выстраивая реконструкции первоначального вида «Сказания»); для проверки второй возможности надо присмотреться к тексту НПЛМ в этой части и попытаться обнаружить следы редакторской работы.

Уже во фразе, сообщающей о чуде сохранности тела Глеба видны некоторые пропуски: «И убиену же Глѣбови и повержену на мѣстѣ пусти межи двѣма колодма, якоже рече Давыдъ: „хранить Господь вся кости ихъ, ни един же от них не скрушится” (НПЛМ, с. 173). По прямому смыслу фразы получается, что библейский царь комментирует ситуацию с телом русского князя. В соответствующем тексте «Сказания» после сообщения о теле Глеба, брошенном между двумя колодами, читается: «И Господь не оставляяй своихъ рабъ, якоже рече Давыдъ: „Хранить Господь вся кости ихъ, и ни едина отъ нихъ съкрушится”. НПЛМ опустила слова «И Господь не оставляяй своихъ рабъ» и тем самым допустила возможность хронологически несуразного прочтения (не говоря об идеологической несуразности). Из фразы «Сказания» «не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудъ пребыти неврежену» в НПЛМ выпало слово «неврежену», и фраза утратила часть смысла: «и не оста в невѣдѣнии и небрежении отинудъ пребыти» (НПЛМ, с. 174)³⁰.

Тема Ярослава с последующей Альтской битвой «врезана» в «Сказание» так, что следов «врезки» не видно; НПЛМ, используя первую часть этой фразы, продолжает ее иначе (для наглядности различное выделим курсивом):

²⁹ Там же, с. 149.

³⁰ Выше мы указывали на выпадение слова «туга», обессмыслившее фразу НПЛМ; сокращение текста «Сказания» в НПЛМ видно и в иных случаях: например, новгородский автор убирает «недоумение» сохранностью тела Глеба при его захоронении в Вышгороде: Сказ.: «раскопавъше землю, и тако же положиша ѿ, недоумѣюще, якоже бѣ лело пречѣстьнѣ» (с. 346); НПЛМ: «раскопавшее землю, и тако положиша блаженое и святое тѣло, яко же бѣ лѣпо и честно» (с. 174).

СКАЗАНИЕ	НПЛМ
<p>Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святааго, <i>дондеже Ярославъ, не търпя сего зълааго убийства, движеся на братоубийца оного, оканьннааго Святоплъка и брани мьногы съ нимь съставивь.</i> (с. 344)</p>	<p>Сиа же слышаще и видяще, не бы памяти ни единому же их о възискании телесе святаго; <i>ясно бо вси вѣдаху, яко въ Смоленскѣ убиень, нъ не вѣдаху, кде положень.</i> (с. 174)</p>

Фраза «Сказания», используя конструкцию придаточного предложения, синтаксически более связана, чем сочинительная форма в НПЛМ, читающаяся, впрочем, непротиворечиво. Но несомненно, что «шов» должен проходить именно здесь. Устранение из НПЛМ фрагмента Альтской битвы (или невключение его) может быть объяснено тем, что в концепции этой летописи для Альтской битвы вообще нет места: Святополк погибает «межи Чахы и Ляхы», как и в ПВЛ, но не в 1019 г. после Альтской битвы, а в 1016 г. после Любечской. Однако исключение Альтской битвы не до конца объясняет устранения Ярослава как инициатора поисков тела Глеба. У нас нет внятного объяснение этой редукции в НПЛМ заслуг Ярослава в событиях, связанных с посмертными судьбами Бориса и Глеба.

Рассказ «Сказания» о доставлении тела Глеба в Вышгород, достаточно близкий к ПВЛ, продолжается лирическим удивлением о сохранности тела и о многих чудесах, творимых святыми (Сказ., с. 346–348). В ПВЛ аналогов этим фрагментам нет. Затем оба текста помещают обширные и риторически совершенные Похвалы святым, в которых братья уже несомненно предстают святыми (ПВЛ, с. 93–94; Сказ., с. 348–350). Похвалы эти – два разных текста, независимых один от другого, и оба по-своему совершенны. Приходится констатировать, что примерно в одно и то же время на Руси появились два талантливых автора, писавших по одному и тому же поводу и создавших тексты, достойные друг друга³¹. Новгородская летопись похвалы не содержит. Сопо-

³¹ Летописная Похвала, по мнению С.А. Бугославского, основана на службе Борису и Глебу, автором которой был митрополит Иоанн I (См.: С.А. Бугославский, *Текстология Древней Руси*. Т. 2: *Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе*. Сост. Ю.А. Артамонов, Москва 2007, с. 222; см. также с. 339. В другом месте С.А. Бугославский возводит текст службы Борису и Глебу к тексту «Сказания». – Там же, с. 339). По данным митрополита Макария, Иоанн I возглавлял русскую церковь в 1008–1035 гг., а службу Борису и Глебу составил в 1021 г. (См.: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский, *История русской церкви*. Кн. 2-ая, Москва 1995, с. 32, 58). Обзор работ, переносящих архипастырство Иоанна I и, следовательно, составление им службы Борису и Глебу, к концу правления Ярослава, см.: А.М. Ранчин, *Еще раз о канонизации Бориса и Глеба и о текстологии памятников борисоглеб-*

ставительный анализ текстов Похвалы Борису и Глебу в ПВЛ и «Сказании» заслуживает отдельного исследования.

Только ПВЛ сообщает о третьем злодеянии Святополка: убийстве еще одного брата – Святослава, пытавшегося спастись бегством. О Святославе мы знаем немного: он был сыном одной из «чехинь»; Владимир, по статье 988 г., посадил его в «Деревѣхъ» (ПВЛ, с. 83). Это убийство возводит слова, приписываемые Святополку – «Избыю всю братью свою, и прииму власть русьскую единь» (ПВЛ, с. 94–95) – не к риторическим фигурам, а к действительному плану.

Последующие сражения Ярослава со Святополком «Сказание» суммарно передает в кратких словах³², выделяя в отдельный эпизод лишь Альтскую битву – вероятно, из-за ее символического смысла: поражение злодея на месте убиения Бориса. ПВЛ разносит последующие события по годовым статьям, финалом которых становится статья 1019 года, повествующая о гибели Святополка, возведенного к своим архетипам – Каину и Ламеху, и вокняжении победителя злодея в Киеве: «Ярославъ же сѣде Киевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ» (ПВЛ, с. 98).

Сравнение борисоглебских текстов показывает, что повествование о Глебе складывалось позже повествования о Борисе³³; текст ПВЛ ближе к ранним формам повествования о святых братьях; «Сказание» опиралось на летописный текст, существенно перестраивая его композицию; НПЛМ в «борисовой» части содержит текст, тождественный тексту ПВЛ, а в «глебовой» части следует за «Сказанием», но серьезно редуцирует его, убирая имя князя Ярослава и события после Любечской битвы. В плане поэтики летопись являет собой тип аукториального повествования с центральной позицией автора-летописца, а «Сказание» оказывается более акториальным, передающим точку зрения персонажа.

ского цикла, [в:] А.М. Ранчин, *Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме*, LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken 2011, с. 147–152.

³² «Ярославъ, не тѣряя сего злыаго убийства, движесе на братоубийца оного, оканьннааго Святоплѣка и брани мѣногы съ нимъ съставивъ. И въсегда пособиемъ Божиимъ и поспѣшениемъ святою, побѣдивъ елико брани състави, оканьный посрамлень и побѣженьъ възращаашесе» (Сказ., с. 344).

³³ Наш вывод согласуется с гипотезой существования рассказа «Об убиении Борисове» в составе Древнейшего свода. – См.: А.А. Шахматов, *История русского летописания*. Т. 1.: *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*. Кн. 1: *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, Санкт-Петербург 2002, с. 63–66. См. также: А.М. Ранчин, *К вопросу об истории текста летописной повести о Борисе и Глебе*, [в:] Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана, Москва 2015, с. 174–190.